

Религиозные верования коренных народов Прителечья: ранние формы и особенности

И. Г. Черлояков*

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Аннотация. Рассмотрены ранние формы религиозных верований коренных народов Прителечья: верхних кумандинцев, челканцев и тубаларов. Отмечено, что Прителечьё – территория Турочакского и частично Чойского районов Республики Алтай, примыкающая к Телецкому озеру – истоку р. Бии, – место компактного проживания коренных малочисленных народов данного региона. Прослежено, что они переживают как национально-культурное возрождение, так и проблемы сохранения традиционных верований в условиях поликонфессионального и многонационального общества. Изучена ранняя форма религиозных верований «шаманизм» как проявление анимизма, а также рассмотрены их особенности, выражающиеся в обожествлении охотничьего промысла и кузнечного ремесла. Обобщены условия зарождения тотемизма и культа предков.

Ключевые слова: тубалары, челканцы, кумандинцы, шаманизм, тотемизм, культ предков.

Для цитирования: Черлояков И. Г. Религиозные верования коренных народов Прителечья: ранние формы и особенности // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 28. С. 98–103. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.28.98>

Religious Beliefs of the Indigenous Peoples of the Pritelechyeh: Early Forms and Features

I. G. Cherloyakov*

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

Abstract. The formation of the Altai Republic as a form of the statehood of Altai people contributed to the national-cultural revival of kumandins, chelkans and tubalars. The problems of preserving, transforming traditional beliefs and inter-religious dialogue in a multiconfessional and multinational society are always relevant. The novelty of this study lies in the emphasis on the characteristics of the religious beliefs of the peoples of Pritelechyeh, as a distinctive feature in comparison with the religious systems of the peoples of the Mountain Altai. How hunting and blacksmithing cults became an integral part of the early forms of religious beliefs of the indigenous peoples of Pritelechyeh. Without understanding the origins of their origin and transformation, it is impossible to understand the current problems of the national and cultural development of indigenous peoples. The aim of this work is the features of the early forms of religious beliefs of the indigenous peoples of Pritelechyeh. The religious beliefs of the indigenous peoples of the Pritelechyeh were in a difficult process of transition from the early forms of religion to tribal ones. With the development of tribal relations, along with animism and shamanism, new religious forms arise that reflect the specifics of these relations. These included totemism, the hunting cult, and the cult of ancestors. A hunting cult arises during the period of the origin of hoe farming, when climatic factors most significantly affect production activity, and, therefore, all spheres of human life. In short, hunting led a person to consolidate in his life, in society, in general, the patriarchal way of life. Totemism in our case was closely related to the economic activities of indigenous peoples, which was based on gathering and hunting. During the tribal society, as you know, the average life expectancy of people increased. In this regard, the differentiation of society by age was clearly defined. In this regard, the older generation had a special social function: it became the guardian of work experience and clan traditions. Respect for elders during life entailed their posthumous veneration by living relatives, that is, their veneration of the “spirit” of dead relatives.

Keywords: tubalars, chelkans, kumandins, animism, shamanism, totemism, the cult of ancestors.

For citation: Cherloyakov I. G. Religious Beliefs of the Indigenous Peoples of the Pritelechyeh: Early Forms and Features. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2019, Vol. 28, pp. 98–103. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.28.98> (in Russ.)

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.

For complete information about the authors, see the last page of the article.

Введение

Образование Республики Алтай как формы государственности алтайского народа способствовало национально-культурному возрождению коренных малочисленных народов данного региона, в том числе кумандинцев, челканцев и тубаларов. Проблемы сохранения, трансформации традиционных верований и межрелигиозного диалога в условиях поликонфессионального и многонационального общества актуальны на протяжении длительного времени.

Новизна данного исследования заключается в акценте на особенностях религиозных верований народов Прите́лечья как отличительной черты по сравнению с религиозными системами народов Горного Алтая.

Целью настоящей работы является выявление особенностей ранних форм религиозных верований коренных народов Прите́лечья. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

- выявить взаимосвязь анимизма и шаманизма;
- проследить «обожествление» охотничьего культа и кузнечного промысла в рамках анимизма и шаманизма;
- выяснить условия возникновения тотемизма и культа предков.

Материалы и методы

В ходе исследования использованы полевые материалы автора, собранные в 2018 и 2019 гг. в селах Тондошка и Красносельское Турочакского и Чойского районов Республики Алтай. Информаторами являлись Г. И. Черлояков и Н. С. Ультибеева.

Первые сведения по алтайским народам связаны с именем В. И. Вербицкого, миссионера Алтайской духовной миссии, этнографа и лингвиста, изучавшего Северный Алтай, Горную Шорию и Хакасию и написавшего труд «Алтайские инородцы» [1893]. Месту и роли религии, ее влиянию на культурную жизнь региона уделил Н. С. Модоров в монографии «Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.)» [1996]. Для Н. С. Модорова характерен критический подход к проблеме. Также наша тема просматривается в сочинениях С. К. Носова, посвященных ранним формам религий у алтайцев, их синкретизации с мировыми религиями. Религиовед С. К. Носов находит во многих аспектах глубокий философский смысл [2000]. Наибольший вклад в разработку истории и этнографии народов Сибири, в том числе алтайцев, в частности северных, внес Л. П. Потапов. В 30-е гг. XX в. из-под его пера вышел ряд работ, посвященных тотемическим представлениям и религиозным воззрениям северных алтайцев [1935]. Но настоящим вкладом в сибирскую историографию стал выход в 1953 г. его монографии «Очерки по истории алтайцев», в которой, на основе данных археологии, лингвистики, этнографии, документальных публикаций и частично архивных материалов, им была создана колоритная картина исторического прошлого алтайцев с древнейших времен до 30-х гг. XX в. [Потапов, 1953].

Методиками исследования явились историко-генетический метод, который позволил последовательно раскрыть свойства, функцию и характер изменения изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, а также показать причинно-следственные связи и закономерности исторического развития; а также сравнительно-исторический метод, позволивший проследить динамику развития ранних форм религиозных верований коренных народов Прите́лечья.

Результаты и обсуждение

Религиозное сознание коренных народов Прите́лечья проявлялось, как и у всех народов Сибири, в анимизме, т. е. вере в существование у окружающих объектов и процессов сверхъестественных двойников: духов в природе и души у человека. По представлению тубалар, условия жизни в загробном мире, в принципе, совпадали с земными, поэтому души умерших людей продолжали вести там привычный для человека образ жизни: охотиться, ловить рыбу, испытывать радость или страдания и т. д. Но в отличие от животных и предметов, человек имел не одну, а семь душ (сюне) [Носов, 2000, с. 12–15]. Функции каждой души различны. Одна находилась в мире предков при условии, что покойный достиг 72-летнего возраста, а другая оберегала могилу умершего. Поэтому челканцы не ухаживали за погребениями, дабы не потревожить сюне. Если человек по каким-либо причинам не обзаводился семьей, то мог стать «букой», чтобы досаждать родственникам, шуметь в аиле, стучать посудой и т. д. «Турлаг» – четвертая сюне по представлениям

кумандинцев, которая всегда преследует и пугает запоздавших путников [Сатлаев, 1974, с. 151]. Сведения о функции остальных утеряны или пока не установлены.

В недрах анимизма складывалось и представление о духах, как чистых, так и нечистых. К числу первых северные алтайцы относили небесного главу духов – покровителей родов Кудая (Ульгенья) и земных обитателей – хозяев гор, огня и воды, покровителей охоты и др. В категории нечистых духов у тубалар всегда значились духи главы подземного мира Эрлика, от которых исходили только болезни. Кроме того, миссионеры неоднократно сообщали, что у «каждого их сеока есть свой фамильный бог» [Записки миссионера Вербицкого..., 1864].

Одним из проявлений анимизма у коренных народов Прителечья, как и у других народов Саяно-Алтайского нагорья, являлся шаманизм. Характерной его чертой была совокупность представлений и действий, вызванных верой в способность шаманов быть посредниками между людьми и духами [Носов, 2000, с. 15]. О происхождении шаманизма у кумандинцев существует легенда. «После потопа, – гласила она, – Балыкса (третий сын Намы – глава семейства, спасенного во времена Всемирного потопа) заболел. Он призвал человека по имени Тянгару и заставил его камлать. Этому обоих обучил Эрлик: одного призвать кама, а другого – камлать. Тогда Ульгень сказал Балыксе: “Ты будешь слугою Эрлика, потому что ты не мне приносишь жертвы, и после смерти ты пойдешь к Эрлику”. Тогда Тянгара ответил Ульгению: “Пожалуй, я и тебе таким же образом буду приносить жертву, как Эрлику”. На что Ульгень добавил ему: “Отныне будет имя твое Кам. Кто будет подражать тебе, тот не будет иметь богатства на земле”» [Вербицкий, 1893, с. 126–127].

Камы у северных алтайцев делились на больших (с двумя бубнами), средних (с одним бубном) и малых (с пучком березовых веток). Первые через камлание и жертвоприношение могли общаться с Ульгением и Эрликом, вторые могли призывать на помощь земных и подземных духов, а третьи ограничивались только проведением обряда очищения больных [Сатлаев, 1974, с. 154–160]. Многие камы у тубалар имели по два шаманских бубна, из которых один был родовым, и с ним камлали только членам своего рода, другой – для всех остальных, обращающихся к каму.

Согласно представлениям алтайцев, в том числе и северных, камом мог быть не всякий человек, а лишь «подневольно избранный». К примеру, шаманский дар воспринимался как наследственная болезнь (по мужской и женской линии). Она проявлялась, главным образом, в длительных приступах эпилепсии. «Избранник» всячески пытался избавиться как от нее, так и от делания всего того, что было свойственно каму. В результате такой «борьбы» он мог освободиться от такого «дара» или наследства. Но его «свобода» могла закончиться сумасшествием или инвалидностью, а то и вовсе смертью [Вербицкий, 1893, с. 63].

Как уже упоминалось выше, «общение» камов с духами происходило в процессе камлания. Оно представляло собой мистифицированный обряд, совершаемый в состоянии экстаза и сопровождавшийся плясками, песнопениями, ударами в бубен и т. п. [Носов, 2000, с. 16]. Конечно же, при этом необходимы были своеобразные профессионализм и артистизм, а также харизматические способности личности [Модоров, 1996, с. 303].

Особенностью религиозных верований коренных народов Прителечья в рамках анимизма и шаманизма являлось обожествление охотничьего промысла и кузнечного ремесла. В отношении первого тубалары старались не допускать бахвальства, лжи и шуток, а сами сборы облекались священным молчанием, за исключением общения с родными. Кстати, кумандинцы перед промыслом всегда воздерживались от «супружеского ложа» [Потапов, 1935, с. 25].

Северные алтайцы, как и все «инородцы» Алтая, верили, что вся таежная живность находится в полном распоряжении «хозяев» («эзи») гор и тайги. Поэтому каждый сеок почитал свою священную гору как покровительницу рода. Таковыми у кузенов были Актыган и Салоп (Солог, Кузенташ) [ПМА 1]; верхних кумандинцев – горы Ийик-таг, Ажыг (на правом берегу Бии) и Кабак (в окрестностях Телецкого озера); в верховьях Байгола по горе Уч-Сююри-Тайги – у челканцев [Потапов, 1953, с. 274].

Духи родовых гор повелевали камам, как они говорили, изготавливать новые бубны и приносить им их на показ (обряд оживления шаманского бубна) [Сатлаев, 1974, с. 148]. Без обращения к духам родовых гор челканские камы никогда не начинали камлание. У каждого рода таких гор было от 10 до 12, начиная от Салопа, Саян и до гор Притекецкой черни [Кандаракова, 1999].

Женщинам строго-настрого запрещалось даже находиться вблизи почитаемой родовой горы, а мужчинам – с обнаженной головой или босиком, подниматься на нее или называть ее имя вслух. Отклонение от этих правил, по представлению кузенов, влекло несчастье не только нарушившему табу, но и всей его семье. Такие родовые горы, делал вывод Л. П. Потапов, принадлежали отдельным родам и являлись их охотничьими угодами, где хозяева гор и тайги позволяли охотнику ловить зверей от самого малого до крупного и «красного» [Потапов, 1953, с. 275]. Например, убив соболя, зверобой размахивал им на месте охоты и с благодарностью обращался к своим «покровителям». Родные зверолова, оставшиеся дома, также соблюдали «тишину», иначе, по их представлениям, белка или иной зверь не придет к нему. Брызгание аракой хозяину тайги совершалось и по окончании охоты. При этом тубалары благодарили и хозяина огня, который ярким вспыхиванием и треском «извещал» домашних об удаче охотников и скором возвращении домой.

Иначе говоря, в религиозных верованиях коренных народов Притекечья большинство почитаемых духов являлись охотничьими или ее покровителями. С ними они всецело связывали свои представления о духах, способствующих удаче в охотничьем промысле. Так, Шаныр, или Чаныр, – у тубаларов, Тайгам (Тайгым) или Шалыг (Сары шалыг, Сарыган) – у кумандинцев и челканцев.

Несмотря на их определенные отличия, связанные с родоплеменным расселением северных алтайцев, между ними было много общего. Так, описание внешнего вида Шаныра было полностью сходно с описанием внешности Шалыга. Согласно преданиям, это был человек с бледными бровями, с бородой из желтой белки, ковылявший при ходьбе, с посохом из желтой акации и ездивший на быстром марале.

Эта особенность была характерна и для религиозных действий [Носов, 2000, с. 8], обращенных к вышеназванным духам, которые заключались в жертвоприношениях и камланиях. Последнее совершалось камами каждую осень перед промыслом. Требовалось принести в жертву туес с брагой из ячменной муки или просеянного толкана и солода. Количество того и другого определялось усердием приносящего жертву.

Жертвенной брагой, или аракой, кропили изображение («тар» – у тубаларов) покровителя охоты. Каждый род имел своих покровителей, одного или нескольких. Обычно его изображали в виде берестяной квадратной основы, внутри которой было вложено девять зерен ячменя с прикрепленными к низу лентами из коры желтой акации, жимолости и конопли. Местами эти ленты делали исключительно из акации. Они символизировали связь между этим почитаемым духом и охотой, так как первые два сорта ленточек служили материалом для приготовления фитиля к ружью, а конопля шла на чистку ствола. Во время охоты «тар» носили на бедре, прикрепляя лычкой за верхнюю часть, а палочка из желтой акации – это «тайак» – посох Шаныра. Нередко «тар» помещали там, где хранились шкурки зверей, и вынимали его только во время моления перед промыслом. Другое изображение называлось «манчак» и отличалось от первого тем, что висело постоянно на огромном деревянном гвозде в почетном углу юрты. Шалыг у кумандинцев облакался в бороду из беличьего хвоста, причем камлали перед ним с деревянным луком.

Северные охотники верили, что за недостаточное внимание к духам те могут насыпать на промысловиков всевозможные болезни, но особенно они могли навредить во время промысла. Так, Шаныр, по их поверьям, мог закрыть зверей от пуль охотников железной лопаткой или мог сжечь охотничий шалаш.

Поэтому звероловы, чтобы избежать такого рода «неудач», всегда «умилостивляли» их не только перед промыслом, но и во время его, и особенно после сооружения охотничьего стана, вблизи которого они подвешивали покровителям ленточки из шкурки белого зайца и совершали кропление мешаниной из толкана [Потапов, 1935, с. 25–33]. Чтобы не

отпугнуть зверя, во время промысла северяне старались только иносказательно называть промышляемых зверей. Так, медведя называли «кырдын эзи» (хозяин горы) [Модоров, 1996, с. 90]. Также своеобразно обставлялось и убийство животных на охоте. Например, соболя душили левой лыжей с отводом глаз, а у души убитого медведя просили прощения и сваливали вину на ружье, которое-де купили у русских [ПМА 2].

Религиозными верованиями у коренных народов Прителечья была пропитана не только охота, но и другие промыслы. Так, шаманская одежда полностью кроилась из шкурок зверей, а из осины и березы изготавливали почти все деревянные изделия, ибо у них они были культовыми – предмет поклонения и основной материал для сооружения жертвенников [Потапов, 1935, с. 107]. Культ был свойственен и кузнечному ремеслу. Естественно, что в условиях постоянного «общения» с огнем – этим с глубокой древности почитаемым божеством – профессия кузнеца у многих тюркских народов Сибири считалась священной. Поэтому у тубалар рядовые камы – мужчины – могли совмещать оба призвания или выходить из среды кузнецов. Кам и кузнец, по представлению «северян», были связаны с особой сверхъестественной силой, благодаря которой они получали свой профессиональный дар [ПМА 1].

Особенность ритуального сходства кама и кузнеца выражалась в запретах по отношению к профессиональным инструментам. Так, молот или наковальня после их изготовления непременно освящались и становились запретными для прикосновения женщины, то же самое касалось и нового шаманского бубна [Потапов, 1991, с. 124–125].

Заключение

Таким образом, религиозные верования коренных народов Прителечья находились в сложном процессе перехода от ранних форм религии к родоплеменным. С развитием родоплеменных отношений, наряду с анимизмом и шаманизмом, возникают и новые религиозные формы, отражавшие специфику этих сложившихся отношений. К ним относились тотемизм, охотничий культ и культ предков.

Тотемизм в нашем случае был тесно связан с хозяйственной деятельностью коренных народов, в основе которой лежали собирательство и охота. Растения и животные, позволявшие жить и трудиться, неизменно становились объектами особого их почитания.

Наличие кровнородственной связи между членами одного рода и зависимость их от окружающей природы воспринимались тубаларами как естественное родство между людьми и природными объектами, оказывавшее непосредственное влияние на жизнедеятельность рода. Подобное восприятие людьми тотема придавало ему статус ни много ни мало родоначальника той или иной родоплеменной группы.

Охотничий культ возникает в период зарождения мотыжного земледелия, когда климатические факторы наиболее существенно влияют на производственную деятельность, а следовательно, и на все сферы жизни человека. Словом, занятие охотой вело человека к закреплению в его жизни и в обществе в целом патриархального уклада.

В период родового общества увеличилась, как известно, средняя продолжительность жизни людей. В связи с этим четко определилась и дифференциация общества по возрастному признаку. В этой связи на старшее поколение ложилась особая социальная функция: оно становилось хранителем трудового опыта и родовых традиций. Уважение к старшим при жизни влекло за собой и их посмертное почитание живыми родственниками, т. е. почитание ими «духа» умерших сородичей.

Источники

ПМА 1 – Опрос, проведенный в 2018 г. в с. Тондошка Турочакского района Республики Алтай (информант – Г. И. Черляков, 1941 г. р.).

ПМА 2 – Опрос, проведенный в 2019 г. в с. Красносельское Чойского района Республики Алтай (информант – Н. С. Ультибева, 1956 г. р.).

Список литературы

- Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М. : Скоропеч. А. А. Левенсон, 1893. 272 с.
- Записки миссионера Вербицкого за 1863 г. // Православное обозрение. 1864. № 1. С. 145–169.
- Кандаракова Е. П. Шаманизм в культуре челканцев // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. Горно-Алтайск, 1999. С. 333–337.
- Модоров Н. С. Россия и Горный Алтай: Политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 1996. 400 с.
- Носов С. К. Лекции о религии. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2000. 79 с.
- Потапов Л. П. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 122 с.
- Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 442 с.
- Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л. : Наука, 1991. 320 с.
- Сатлаев Ф. А. Кумандинцы. Горно-Алтайск : Алтайское кн. изд-во, 1974. 200 с.

References

- Kandarakova E. P. Shamanism v kulture chelkantsev [Shamanism in the culture of chelkans]. *Altai i Tsentralnaya Aziya: kulturno-istoricheskaya preemstvennost [Altai and Central Asia: cultural and historical continuity]*. Gorno-Altai, 1999, pp. 333–337. (In Russ.)
- Modorov N. S. *Rossiya i Gornyi Altai: Politicheskie, sotsialno-ekonomicheskie i kulturnye otnosheniya (XVII – XIX vv.) [Russia and the Gorny Altai: Political, socio-economic and cultural relations (XVII–XIX centuries)]*. Gorno-Altai, Gorno-Altai State University Publ., 1996, 400 p. (In Russ.)
- Nosov S. K. *Lektsii o religii [Lectures on religion]*. Gorno-Altai, Gorno-Altai State University Publ., 2000, 79 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. *Razlozhenie rodovogo stroya u plemen Severnogo Altaya [Decomposition of the tribal system in the Northern Altai tribes]*. Leningrad, State Social and Economic Publ., 1935, 122 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. *Ocherki po istorii altaitsev [Essays on the history of the Altaians]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1953, 442 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. *Altaiiskii shamanism [Altai shamanism]*. Leningrad, Nauka Publ., 1991, 320 p. (In Russ.)
- Satlaev F. A. *Kumandintsy [Kumandins]*. Gorno-Altai, Altai State Publ., 1974, 200 p. (In Russ.)
- Verbitskii V. I. *Altaiiskie inorodtsy [The Altai foreigner]*. Moscow, A. A. Levenson Publ., 1893, 272 p. (In Russ.)
- Zapiski missionera Verbitskogo za 1863 g. [Notes of the missionary Verbitsky for 1863]. *Pravoslavnoe obozrenie [Orthodox review]*. Moscow, 1864, Is. 1, pp. 145–169. (In Russ.)

Сведения об авторах

Черлояков Иван Геннадьевич

аспирант, Горно-Алтайский государственный университет; Россия, 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1
e-mail: cherloykov@mail.ru

Information about the authors

Cherloyakov Ivan Gennadievich

Postgraduate, Gorno-Altai State University;
1, Lenkin st., Gorno-Altai, 649000, Russian Federation
e-mail: cherloykov@mail.ru